

Дроздова С.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

Одной из наиболее разработанных проблем в языкознании является проблема социальной обусловленности языка. Современным достижениям в этой области социолингвистика обязана работам А.М. Селищева, Ю.Н. Караулова, Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, Л.Л. Кутиной и других исследователей. При социолингвистическом анализе наибольший интерес представляет, как замечает Т.Б. Крючкова, "...взаимоотношение социального и языкового, отражение первого во втором, взаимозависимость изменений, происходящих в том и в другом ..." [3, с.31].

В последнее время в лингвистике язык представляется не только как средство общения и передачи информации, но и как способ воздействия. Действительно, как считают некоторые исследователи все мы манипулируем языком, причем делаем это постоянно. Любое наше взаимодействие политично, хотим мы того или нет, от самого интимного тет-а-тета (микropolitика) до речи, обращенной к миллионам (макрополитика), цели являются одними и теми же, а приемы близкородственными [5, с.63]. Поскольку наиболее часто функция воздействия используется именно в языке политики, вопрос о том, **что** представляет собой это словосочетание, звучит особенно актуально.

Одним из первых, кто обратился к политическому языку, был английский писатель Дж. Оруэлл, создавший в романе "1984" так называемый "новояз", частью которого был словарь, "... специально сконструированный для политических нужд ..., слов, которые не только обладали политическим смыслом, но и навязывали человеку, их употреблявшему, определенную позицию ..." [4, с.8]. В отечественном же языкознании начало изучению политического языка было положено работой С.И. Карцевского "Язык, война, революция" (Берлин, 1923). В современной научной литературе существуют разные точки зрения, что представляет собой "политический язык". Так, например, Д. Грейбер считает, что политическим язык становится, "... когда политические агенты ... общаются на политические темы, преследуя политические цели, ... следовательно, они говорят на языке политики ..." [11, с.196]. По мнению же А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевича, политический язык представляет собой определенную знаковую систему, реализующую политическую коммуникацию [1]. Е.И. Шейгал предлагает рассматривать язык политики в качестве одного из профессиональных подязыков [8].

Существующие различные взгляды исследователей на состав этой подсистемы позволяет нам говорить о том, что до сих пор среди специалистов-филологов нет единства мнений.

Так, например, В. Бергсдорф включает в язык политики следующие подязыки: 1) язык законодательства и судебных решений; 2) административный язык (изложение инструкций и др.); 3) язык переговоров между партиями и т.д.; 4) язык политического воспитания; 5) язык политической пропаганды [10]. Остановимся более подробно на языке политической пропаганды как подсистемы языка политики.

В связи с тем, что одной из основных функций политического языка является прагматическая, то есть функция, способствующая побуждению, воздействию (а в конечном итоге, направленная на овладение властью), политикам, для которых политический язык является в определенной степени инструментом, необходимо уметь эффективно оперировать политическими понятиями и словами. Именно от того, с точки зрения М.В. Ильина, от "ясности и проработанности ... понятий, от точности слов и дискурса (последовательного развертывания смыслов, выраженных словами, знаками и значащими действиями) во многом зависит и результат – те институты и слагаемая ими конституция. Которые могут помочь нам вести достойную жизнь ... без насилия и рабства ..." [2, с.7].

Как справедливо отмечают многие исследователи, политическая лексика называет понятия, связанные с обществом, поэтому семантический анализ этих слов дает возможность проникнуть в картину мира, отраженную в тех или иных политических текстах. На наш взгляд, основной средой существования политического языка являются средства массовой информации (СМИ). Благодаря им население страны живет в едином информационном пространстве и транслируемые через них авторитетные мнения усваиваются и выдаются за свои собственные [7]. Так, например, нельзя не согласиться с автором книги "Бегство от свободы", критикующим СМИ за то, что они лишают человека возможности составлять целостную картину мира, поскольку оказывают скрытое воздействие [6].

Необходимо отметить, что общение в политике ориентировано на массовую аудиторию, в связи с чем политический язык становится общедоступным и, как следствие этого, в нем происходит детерминологизация многих политических терминов.

В отечественной и зарубежной научной литературе существует еще одно понятие, употребляющееся некоторыми исследователями как синоним языку политики, - политический дискурс.

С точки зрения одного из ведущих исследователей политического дискурса Е.И. Шейгал, само понятие "дискурс" можно изобразить в виде формулы: "*дискурс = подязык + текст + контекст*", где подязыком является часть языковой системы, ориентированная на определенный участок коммуникации [8, с. 26]. Поскольку политическая реальность образована действиями людей, образующих логические последовательности, или так называемые политические дискурсы, необходимо отметить, что каждое из политических понятий, использующихся в той или иной ситуации, имеет свой политический смысл и привязано к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть разделение на группы "*друг / враг*". Такие слова, как "государство, республика, отечество и т.д. непонятны, если неизвестно, кто ... должен ... быть опро-

вергнут посредством именно такого слова ...” [9, с. 42]. Необходимо подчеркнуть, что с постоянным ростом знаний происходит формализация понятия и его терминологизация, однако в некоторых случаях (например, в открытом плюралистическом обществе, с точки зрения Р. Бахема) многие понятия начинают терять свою единственную сферу действия, становятся многосмысленными и используются “... в политических контекстах для осмысления нововозникающих институтов, ролей и функциональных аспектов, модернизирующейся политики ...” [2, с. 33].

В связи с тем, что политические термины не имеют четкого и фиксированного значения, по мнению Е.И. Шейгал, политики постоянно пытаются наделить их выгодными для себя коннотациями, что, естественно, исходит из той или иной идеологической позиции, которой поддерживается политик. Поскольку в известном смысле политика – это способ манипулирования людьми (в целях прихода к власти и ее удержания), наиболее оперативным и действенным ее инструментом являются средства массовой информации (печатные издания, телерадиовещание, интернет).

На наш взгляд, СМИ в современном обществе следует рассматривать не только как инструмент власти, но и как самостоятельный институт, влияющий на эту же власть (так называемая четвертая власть). Информационные компании являются одним из сильнейших средств воздействия на общественные процессы. И естественно, люди, работающие в СМИ, оказывают влияние на функционирование и развитие политического языка.

В последнее время многие исследователи подчеркивают взаимозависимость политической коммуникации и СМИ и, как справедливо отмечает Е.И. Шейгал, констатируют сращивание политического дискурса и дискурса масс-медиа [8]. При выделении каких-то определенных языковых черт политического дискурса (то есть языка политики), необходимо отметить, на наш взгляд, что в средствах массовой информации и пропаганды использование языковых средств определяется их социально-оценочными качествами и возможностями эффективного воздействия на массовую аудиторию, поскольку при помощи оценки выражается и утверждается определенная политическая идея. Некоторые лингвисты (П. Серио, Ю.С. Степанов, Е.И. Шейгал, Л.А. Введенская, П.П. Червинский и др.) считают, что в формальном отношении язык политики отличается числом устойчивых выражений и клише, а сточки зрения грамматики семиотическое пространство политического дискурса (языка политики) включает в себя вербальные (политические термины, антропонимы и т.д.), невербальные (политические символы и др.), неспециализированные знаки (например, личные местоимения – *мы, наши*), которые приобрели определенное специфическое содержание [8].

Таким образом, можно отметить, что язык политики, представляющий собой один из “профессиональных подязыков”, выполняет важнейшую функцию политической коммуникации. В свою очередь язык СМИ, на наш взгляд, является наиболее подвижной частью политического языка, поскольку он чаще подвергается влиянию социальных факторов, чем законодательный и административный языки политики, в основе своей содержащие фундаментальные положения, на которые в не такой степени влияет постоянно изменяющаяся, политическая ситуация. Поскольку исследование политического языка происходит на стыке трех научных дисциплин: социолингвистики, лингвистики и политологии, это позволяет говорить о связях языка (в понимании Ф. де Соссюра – *Language in use* – язык в действии) с языками других семиотических систем (истории, философии и др.) и рассматривать постановку вопроса о нем как новое направление в прикладной лингвистике.

Литература

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. - М.: Знание, 1991.
2. Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. - М.: РОССПЭН, 1997.
3. Крючкова Т.Б. особенности функционирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. - М: Наука, 1989.
4. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. - Вильнюс, 1995.
5. Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П.Б. Рекламный текст: лингвистика и семиотика. - М, 2000.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. - Минск, 1998.
7. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. - М.: Алгоритм, 2000.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - Моногр. М. - Волгоград, Перемена, 2000.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. - 1992. - т. I. - № 1. - с. 35-67.
10. Bergsdorf W. Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland. Neske - Verlag, 1983.
11. Graber D. Political languages // Handbook of Political Communication. - Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. - p. 195 - 224.